

**Г.И. Невельской**

**Подвиги русских морских  
офицеров на крайнем востоке  
России**

**(1849-1855)**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94  
ББК 63.3-8  
Г11

Г11 **Г.И. Невельской**  
Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России: (1849-1855)  
/ Г.И. Невельской – М.: Книга по Требованию, 2021. – 358 с.

**ISBN 978-5-4241-2071-8**

Записки адмирала Геннадия Ивановича Невельского (1813–1876) — один из интереснейших документов, излагающих подлинную картину событий, происшедших в 1849–1855 гг. на Дальнем Востоке — в низовьях Амура, на Сахалине и побережье Татарского пролива, окончательное существование которого как пролива было доказано в 1849 году автором записок.

Эти события, как известно, закончились в 1858 году закреплением по Айгунскому договору с Китаем этого обширного, до того никому не принадлежавшего края за Россией.

**ISBN 978-5-4241-2071-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021  
© Г.И. Невельской, 2021

Геннадий Иванович

Невельской

Подвиги русских морских  
офицеров на крайнем востоке  
России (1849–1855 г.)



## Предисловие редактора к третьему изданию

Записки адмирала Геннадия Ивановича Невельского — один из интереснейших документов, излагающих подлинную картину событий, происшедших в 1849–1855 гг. на Дальнем Востоке — в низовьях Амура, на Сахалине и побережье Татарского пролива, окончательное существование которого как пролива было доказано в 1849 году автором записок. Эти события, как известно, закончились в 1858 году закреплением по Айгунскому договору с Китаем этого обширного, до того никому не принадлежавшего края за Россией.

Причина составления и опубликования записок заключалась в желании автора и членов его семьи показать истинных героев присоединения Приамурья к России, вопреки официальной версии, в которой эта заслуга приписывалась бывшему в то время генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву.

Эта цель автором достигнута вполне. Спокойно, шаг за шагом, с документальной правдивостью, находящей себе подтверждение в рассказах его сотрудников и других очевидцев, излагает Г. И. Невельский свою историю «подвигов». Его книга читается от начала до конца с неослабевающим интересом. Препятствия, возникавшие на пути ясно видевшего вперед свою конечную цель Геннадия Ивановича Невельского, и та холодность, с которой к нему отнеслись его современники; несомненно пробудят в каждом читателе симпатию и благодарность к этому героическому труженику и патриоту, обеспечившему за нашей Родиной владение краем, имеющим первостепенное значение в хозяйственной жизни и обороне страны, и не остановившемуся перед препятствиями, лишениями и даже карами, которыми угрожали ему члены тогдашнего русского правительства за нарушение инструкций.

Предлагаемые вниманию читателя записки Геннадия Ивановича Невельского выходят в свет третьим изданием. Они выходят в дни повышенного интереса советского читателя ко всему, что появляется в нашей литературе о Приамурье и Приморье. Этот интерес объясняется недавно происшедшими на Дальнем Востоке военными событиями, которые закончились полным разгромом империалистической Японии силой советского оружия и оружия союзников.

Ныне от советских Приамурья и Приморья, научное изучение которых было начато впервые Г. И. Невельским, навсегда отведена угроза их захвата оголтелой японской военщиной. Эта великая победа вернула нашему народу и отторгнутый от России Японией в 1905 г. Южный Сахалин, над которым еще в 1853 г. Г. И. Невельский поднял русский флаг.

Первое издание этой книги в точности воспроизводило текст подлинных записок автора, закончившего их незадолго перед смертью. Оно было опубликовано супругой покойного — Екатериной Ивановной Невельской под редакцией В. В. Бахтина в 1878 г., через два года после смерти автора. Второе издание, вышедшее в 1897 году под редакцией того же В. В. Бахтина, является текстуальной перепечаткой первого. Единственным дополнением к нему были несколько писем Е. И. Невельской, ближайшей помощницы Геннадия Ивановича, делившей с ним все трудности жизни в Приамурье. Эти письма, по мысли опубликовавших записки вторым изданием детей Г. И. и Е. И. Невельских, должны были служить

необходимым дополнением к основному тексту книги. Второе издание вышло в свет уже после смерти Е. И. Невельской, последовавшей в 1879 году.

В настоящем издании, по сравнению с первыми двумя, по предложению Издательства в тексте книги произведены некоторые изменения. Они касаются, главным образом, сокращений, произведенных за счёт излишне подробных описаний, касающихся таких географических объектов, местоположение которых не может быть сейчас с достоверностью установлено. Во-вторых, эти изменения коснулись трудного синтаксического построения фраз, отнюдь не изменяя ни в какой мере мысли автора.

В заключение мы даём необходимые примечания, помещенные в конце книги под соответствующими номерами, список других опубликованных статей и писем Г. И. Невельского и основную литературу о нем, его работах и открытиях, включая список статей его ближайших сотрудников и помощников — Н. К. Бошняка и Н. В. Рудановского и других лиц, так или иначе оказавшихся связанными с событиями 1849–1855 годов на Дальнем Востоке.

Подстрочные примечания там, где авторство редактора не оговорено особо, принадлежат Г. И. Невельскому.

Встречающиеся в книге старые русские меры и общеупотребительные до сих пор в морском деле футы, морские мили и узлы, где это было необходимо, переведены в метрические. Для хронологических дат всюду сохранен старый стиль, и лишь в некоторых, наиболее важных случаях в скобках указываются даты нового стиля. В тех случаях, когда указывается современная транскрипция географических названий, употребляемых в тексте Невельским, они приводятся по материалам Государственной карты масштаба 1 : 1 000 000 или карты соответствующего масштаба, изданной Военно-топографическим управлением. Проставлены эти названия так же, как и вставки редактора в текст, в квадратные скобки (исключением являются лишь переводы старых мер в метрические, оставленные в круглых скобках).

Основная часть иллюстративного материала, помещаемого в книге, взята из Атласа рисунков к книге Р. Маака «Путешествие на Амур», СПб., 1859. Карты лимана Амура до и после описи Г. И. Невельского, а также карты части юго-западного побережья Охотского моря воспроизводятся по первому изданию книги Г. И. Невельского.

Кроме основных 16 румбов, Невельским часто употребляются применяемые моряками 16 промежуточных. Таким образом, картушка морского компаса всего делится на 32 румба, основные: N, O, S, W, NO, SO, SW, NW, NNO, ONO, OSO, SSO, SSW, WSW, WNW, NNW, а между ними помещаются 16 промежуточных, каждый с индексом t, указывающим, к какому направлению ближе лежит данный промежуточный румб; например, 1) NtO — следует понимать как румб, расположенный к востоку от северного (к востоку от N); 2) NOtN — румб, расположенный к северу от северо-восточного (к северу от NO); 3) SWtS — румб, расположенный к югу от юго-западного (к югу от SW).

В случае, когда стоит дробное число, например; 1) W1/2S, его следует понимать как половину румба, лежащего к югу от западного (1/2 к югу от W); OtS1/2O, что то же O1/2S — как половину румба к югу от восточного (к югу от O).

Л. Г. Каманин

Геннадий Иванович Невельской

25. XI(7.XII).1813-17.IV(29.IV).1876

*«На моей совести лежало навести... Правительство... на важное значение; Приамурского края для России, а чтобы, достигнуть этого, надобно было действовать решительно, то-есть несогласно с инструкциями, которые не соответствовали... ни местным... обстоятельствам, ни положению и состоянию края и его обитателей. Весьма естественно, что на подобные распоряжения я не мог ничего ответить, кроме того, что предписание получил и действую так-то».*

*(Невельской, Записки, гл. XVIII, стр. 189)*

Прошло 70 лет со дня смерти автора этой книги — адмирала Геннадия Ивановича Невельского — и почти сто лет с того дня, когда 1(13) августа 1850 года на мысе Куегда в низовьях Амура, на месте, где им был основан Николаевский пост {Впоследствии первый русский город и порт в Приморье — Николаевск-на-Амуре.}, взвился русский флаг.

В наше время феодально-капиталистическую царскую Россию с ее отсталыми формами управления и хозяйства сменил передовой социалистический строй великого Союза Советских Социалистических Республик. С Великой Октябрьской социалистической революцией пришли историческая перспектива и объективность, которых лишены были современники Г. И. Невельского, появилась возможность правильно оценить деятельность этого замечательного русского человека и патриота.

При жизни Г. И. Невельского его заслуги перед Родиной не получили полного признания. Идеи Г. И. Невельского о доступности низовьев Амура для морских судов и важном их стратегическом и экономическом значении, равно как и всего побережья Татарского пролива для России, и мероприятия, проведенные им в Приморье и Приамурье в целях практического осуществления этих идей, сначала не пользовались достаточной поддержкой и сочувствием со стороны правительства. Не встречали они сочувствия и со стороны Российско-Американской компании, которой правительство поручило хозяйственные заботы о находившейся в ведении Невельского Амурской экспедиции.

Поставленную перед собой задачу — добиться от правительства официального признания за Россией исследованных им Приморья, Нижнего Приамурья и Сахалина — Невельскому удалось осуществить не сразу, а лишь после невероятных трудностей и препятствий, усугублявшихся чрезвычайно затрудненным сообщением не только с С.-Петербургом и центральными правительственными учреждениями, но даже с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, имевшим главную квартиру в Иркутске. Н. Н. Муравьев, долгое время настаивавший на закреплении за Россией лишь левого берега Амура, в конце концов «пошел по пути, проложенному исследованиями Невельского, и в подписанном им 16(28) мая 1858 года Айгунском Договоре с Китаем получил согласие китайского правительства на закрепление за Россией всего правобережья Амура,



между Уссури и побережьем Татарского пролива.

В этой книге, написанной в качестве ответа критикам и недоброжелателям, Г. И. Невельской, тогда уже находившийся не у дел, с предельной ясностью показывает рождение идеи и последовательные меры, которые ему пришлось осуществлять для её претворения в жизнь. Надо удивляться тому, с какими ничтожнейшими средствами и силами был закреплен за нашей Родиной этот огромный край в несколько сот тысяч квадратных километров.

Только воля и страсть исследователя-пионера необжитых пространств, глубокое понимание непоправимости потери края в случае весьма возможного в то время занятия его иностранцами, гражданское мужество и сознание своего долга перед Родиной, которой он хотел сохранить ставшее в наши дни жемчужиной Советского Союза Приамурье, помогли Г. И. Невельскому, счастливо одаренному от природы несокрушимой волей, энергией и талантом предвидения многих важных политических последствий, благополучно довести начатое им дело до конца вопреки воле многих ответственных лиц в правительстве.

Однако его заслуги перед Родиной не получили должной и справедливой оценки в первые годы после его смерти, а вся слава мирного закрепления Приамурья за Россией, начиная от постановки до разрешения всей амурской проблемы в целом, была приписана Н. Н. Муравьеву. Главного же инициатора и исполнителя всего дела Г. И. Невельского, обнаружившего столько энергии и моральной устойчивости, никогда не отступавшего перед лицом огромных трудностей и лишений, старались не вспоминать. Его предали забвению, обошли в награде и по возвращении в С.-Петербург не дали никакого назначения, которое отвечало бы его опыту, знаниям, таланту, наконец, положению (он в то время был молодым контр-адмиралом). Панегиристы Муравьева, вроде Н. П. Барсукова, И. В. Ефимова, Б. В. Струве и других, умело подобранной документацией создавали впечатление объективности, предоставляя Г. И. Невельскому роль всего лишь умелого исполнителя планов и предначертаний Н. Н. Муравьева, что, как увидит сам читатель из вполне объективного рассказа Г. И. Невельского, совершенно не отвечает действительности.

Предоставим, однако, слово фактам.

После подписанного в 1689 году в Нерчинске договора о границе с Китаем, она, ввиду незнания обеими сторонами подлежавшей разграничению территории, оказалась в точности установленной только на западе. Здесь граница была проведена по реке Горбице, небольшому притоку реки Шилки, который начинается и впадает в неё к югу от сибирской железнодорожной магистрали и расположенной на ней станции Ксениевской (в 108 км к западу от станции и города Могоча). На остальном пространстве „великие и полномочные послы, не имеющие указу царского величества“, отложили „оные земли неограниченно до иного благополучного времени“. Правда, в договоре имелось указание на то, что „граница должна идти от истоков Горбицы по "каменным горам... до моря протяженным“. Но как и до какого моря они протянулись, не было ясно ни китайским послам, ни русскому послу боярину Ф. А. Головину.

К тому времени, когда Невельской в конце 40-х годов прошлого столетия появился в низовьях Амура, вопрос с границами, где и как они должны идти, был столь же неясен, как и при заключении Нерчинского договора.

Русское правительство после 1689 года не раз пыталось начать переговоры с

Китаем об установлении точных границ, но в ответ на это китайцы просто или не отвечали или угрожали прекратить и в ряде случаев даже прекращали прибыльную для России кяхтинскую торговлю с Китаем, дававшую ежегодно от 500 тысяч до 1 миллиона рублей дохода. Перед этой угрозой русское правительство всегда уступало, и потому в правительственных кругах с постоянной враждебностью встречали всякое новое предложение о границе с Китаем и Амуре, хотя, по мысли того же правительства, Амур мог дать единственно удобный путь для выхода из внутренних областей Сибири к побережью Тихого океана. Однако тут возникал второй вопрос — судоходны ли низовья Амура?

В этом вопросе с лёгкой руки посетившей в 1805 году Амурский лиман русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна, сложилось мнение о недоступности устьев Амура из-за мелей и банок, наполнявших Амурский лиман и преграждавших, таким образом, вход в реку для морских судов.

С 20-30-х годов XIX столетия у пустынных русских берегов из года в год стали появляться во всё увеличивающемся числе целые эскадры иностранных китобоев, которые нередко нападали на прибрежные поселения, грабили жителей и даже, заходя в Авачинскую губу, разбирали на дрова петропавловские батареи. Перед Россией встала реальная угроза если не полной потери края, то значительного увеличения ущерба, приносимого иностранными моряками населению и государственному имуществу на побережье и в водах Тихого океана.

Отсюда, естественно, снова оживился интерес к амурской проблеме и ее разрешению в желательном для России смысле. Амурским вопросом заинтересовался Николай I. В 1846 году по его распоряжению Российско-Американской компанией в Амурский лиман был послан бриг «Константин». Командиру его, поручику Гаврилову было вменено в обязанность удостовериться, могут ли морские суда входить в Амур, ибо в этом заключалась вся важность вопроса для России.

Со своей стороны Компания указывала, что имеются «положительные» известия о недоступности низовьев Амура не только для кораблей, но даже для мелкосидящих шлюпок. Правление Компании предлагало Гаврилову, как только встретятся мели, остановиться, стать на якорь и дальше не идти из опасения погубить судно. Кроме того, от него требовалось во время вернуться в колонию, то-есть в Русскую Америку, и снабдить продовольствием промышленников на Курильских островах. В общем на все это Гаврилову предоставлялось мало времени, в течение которого дать требовавшийся ответ было очень трудно. Гаврилов, дойдя до первых мелей (приблизительно на широте мыса Петх), стал на якорь, а сам на байдарках отправился к устью Амура. Дойдя до мыса Тебах, Гаврилов установил, что в устье Амура нет никаких китайских военных сил и флота, которые, по сведениям Министерства иностранных дел, содержались там китайским правительством. Однако за краткостью времени Гаврилов не смог выполнить поставленной перед ним задачи и вернулся обратно в Аян. В своём рапорте председателю Главного правления Компании адмиралу Ф. П. Врангелю он сообщил, что из его наблюдений "нельзя делать каких-либо заключений об устье реки Амура и ее лимане, до какой степени они доступны с моря". Вместе с тем на приложенной к рапорту карте он показал преграждавшие вход в реку мели и банки с глубинами от 0,5 до 1 м, а в лиман — пятифуттовую банку. Под 52°46 северной широты им была показана пересекавшая лиман в широтном на-

правлении отмель, соединявшая Сахалин с материком. Таким образом, хотел того или нет Гаврилов, но он дал неправильные сведения, подтверждавшие мнение Крузенштерна о недоступности устьев Амура с севера через лиман и Лаперуза и Браутона о том, что Сахалин — полуостров, соединённый с материком перешейком.

Ф. П. Врангель, докладывая Николаю I об исследованиях Гаврилова, писал, что Компания выполнила данное ей поручение, установив недостаточность обнаруженных глубин для плавания морских судов в Амурском лимане, что Сахалин — полуостров и что, таким образом, река Амур не имеет никакого значения для России. Николай не имел оснований не верить Лаперузу, Крузенштерну, Гаврилову и наложил резолюцию: "весьма сожалею, вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить". После этого министр иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил Ф. П. Врангелю о том, что дело об Амуре надо навсегда считать законченным и всю переписку (дабы не вызвать нежелательных осложнений с Китаем) хранить в тайне.

Вскоре после этого состоялось решение Особого комитета под председательством Нессельроде, по которому южную границу России с Китаем, в соответствии со сведениями, полученными от академика А. Ф. Миддендорфа, следовало провести "по южному склону Станового и Хинганского хребтов (здесь Миддендорф видел пирамиды из камней, принятые им за китайские пограничные знаки) до Охотского моря и Тугурской губы и отдать... навсегда Китаю весь Амурский бассейн".

Казалось, все было кончено. Однако на исторической сцене появился молодой, мало кому известный в то время морской офицер, Невельской. Он дал новый ход событиям; именно он, а не Муравьев, обнаружил новые факты, которые в силу своей неопровержимости заставили правительство изменить свою точку зрения в Амурском вопросе, разрешив его в смысле, благоприятном для России.

Невельской был одним из образованнейших офицеров в русском флоте того времени. Поступив шестнадцатилетнем юношей (он родился 25 ноября 1813 года) в морской корпус, Невельской был выпущен из него 21 декабря 1832 года во флот мичманом и с тех пор ежегодно плавал на разных кораблях, главным образом, в Балтийском и Северном морях, а также в Средиземном и Белом, куда он совершал переходы на кораблях из Кронштадта и в Кронштадт и, по отзывам своих товарищей и начальников, изучил в совершенстве морское дело.

15 июня 1846 года Г. И. Невельской был произведен в капитан-лейтенанты и начал сразу же добиваться назначения в воды Тихого океана. Нужно сказать, что еще во время пребывания в корпусе ему стали известны соображения Петра I о важном значении Амура и его устья для России. Невельской заинтересовался амурской проблемой, изучил всю относившуюся сюда литературу и пришел к выводу, что такая большая река, как Амур, не может бесследно теряться среди песков, как бы велики те ни были, что из Амура должен существовать выход в море, доступный и для судов с большой осадкой. С другой стороны, и, соображения посетивших Татарский пролив и Амурский лиман Лаперуза, Браутона, Крузенштерна и Гаврилова о существовании перешейка между материком и Сахалином казались ему неубедительными, поскольку никто из них не пересекал ни с севера на юг, ни с востока на запад. В общем всё было противоречиво, двусмысленно, недоговорено. Нужны были новые, вполне достоверные факты,

а такими Невельской не располагал. Добывать их надо было самостоятельно. Для осуществления своей мечты он и стал проситься на Дальний Восток.

Старания его увенчались успехом, и Невельскому было поручено командование транспортом «Байкал», на котором в Петропавловск Камчатский следовало доставить ряд грузов военного назначения.

С готовыми идеями и планом изучения устьев Амура Невельской, получив назначение, обратился к тогдашнему начальнику Главного морского штаба князю А. С. Меншикову и просил разрешения по прибытии на Камчатку отправиться на «Байкале» в Амурский лиман для описных работ.

Меньшиков, сославшись на уже состоявшееся постановление Особого комитета о передаче Амура Китаю и на тот факт, что опись его как китайской реки "повлечет нежелательную для министра иностранных дел Нессельроде неприятную переписку с китайским правительством", отказался дать такое разрешение, отметив, что кредиты Невельскому отпущены только на год и что поэтому, прибыв в Петропавловск осенью 1849 года, он не будет иметь ни времени, ни средств для осуществления своих предложений.

Одновременно, по совету Меньшикова, он обращается к незадолго перед тем назначенному генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, в ведении которого находились порты Тихого океана. В разговоре с Муравьевым Невельской повторил ему свои соображения, уже изложенные Меньшикову. Муравьев сочувственно отнесся к его планам и идеям, но помочь отказался, мотивируя тем, что все убеждены в недоступности Амура с моря, что в этом убедили и Николая I, который даже сказал: "для чего нам эта река, когда положительно уже доказано, что входить в ее устье могут только одни лодки".

Однако Невельской в словах Меньшикова о недостатке времени и средств усмотрел для себя выход: надо было выиграть время для экономии средств и, следовательно, напрячь все усилия, чтобы добиться скорейшего выхода в плавание находившегося тогда еще на стапелях в Гельсингфорсе «Байкала». Невельской добился того, что судно гораздо раньше срока было спущено на воду и 20 июля уже пришло в Кронштадт. Он вновь докладывает изумленному такой быстротой Меньшикову о готовности судна к плаванию и снова умоляет дать ему просимое разрешение для исследований и описи Амурского лимана, или, в крайнем случае, даже только юго-западного берега Охотского моря, откуда, если это потребуется, всегда можно будет Официально объяснить, что он был занесен в Амурский лиман течениями и нередкими здесь свежими ветрами. Поддержанный Муравьевым и министром внутренних дел Л. А. Перовским, он добивается согласия Меньшикова составить проект инструкции.

В этом проекте Невельской между прочим ставил вопрос о необходимости описать юго-западный берег Охотского моря до устья Амура и самое устье, а также северо-восточный берег Сахалина до 52° северной широты. Однако Меньшиков все это вычеркнул, написав в своей инструкции весьма неопределенно, что Невельскому разрешается "...осмотреть юго-западный берег Охотского моря между теми местами, которые были определены или усмотрены прежними мореплавателями". Но ведь Крузенштерн был в лимане, Гаврилов был также в нем и заходил даже далее, поднявшись на 12 км вверх по самому Амуру. Где можно было провести грань между тем, что разрешалось и чего нельзя делать, чтобы не навлечь на себя наказания, которым Меньшиков пригрозил Невельско-